

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. А. Роменский

КОРСУНСКИЙ ПОХОД КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОСАДЫ И ЗАХВАТА ГОРОДА

Историки признают, что византийский Херсон с его окрестностями являлся контактной зоной, местом столкновения и взаимного влияния двух миров — имперского, ромейского, и варварского, культурного синтеза, на основании которого вырабатывались оригинальные ценности [Сорочан, с. 273–274]. Невозможно переоценить роль Херсона-Корсуня в истории Руси, тесно связанной с судьбой византийского форпоста в Юго-Западной Таврике. Несмотря на внимание исследователей к русско-корсунским связям, существующая историография не позволяет в полной мере реконструировать все аспекты роли Корсуня в отношениях Руси и Византии, восприятие «корсунского» наследия на Руси и отношение к северным варварам среди херсонитов. Одним из наиболее дискуссионных историографических сюжетов остается поход на Корсунь князя Владимира Святославича.

Несомненная важность этого воинского конфликта связана с тем, что его исход и результаты непосредственно связаны с переломным моментом в отношениях Руси с Империей ромеев: заключением соглашения между князем Владимиром и василевсом Василием II, последующим крещением Русской земли и распространением византийского христианства в Восточной Европе. Пристальное внимание специалистов — византинистов, русистов, археологов к причинам, хронологии и последствиям Корсунского похода, безусловно, является оправданным [Рорре 1976; Seibt; Оболенский; Милютенко, с. 272–311; Сазанов, с. 15–273]. Тем не менее военные аспекты проблемы остаются изученными в меньшей степени, чем политические обстоятельства произошедших событий. Целесообразно вновь рассмотреть перипетии осады и взятия Херсона в конце X в., уточнить факторы, приведшие к захвату города.

Подробности военных действий у стен Херсона до сих пор приводят к противоречиям среди специалистов. Спорными остаются вопросы о характере осады (морская или сухопутная), локализации лагеря русов и места стоянки их флота, с чем связано и определение направления удара войск князя Владимира. Наиболее обстоятельно подробности осады Корсуня рассмотрены в сохраняющей научную значимость работе А. Л. Бертье-Делагарда, отдельные выводы которого, тем не менее, нуждаются в корректировке [Бертье-Делагард]. По мнению исследователя, поход на Корсунь был морским, совершался по Днепру, «обычным греческим путем», а затем вдоль берегов Таврики [Бертье-Делагард, с. 246]. Совершив прорыв в Карантинную бухту, войска Владимира вскоре приступили к сухопутной осаде, намереваясь взять город измором. Попытки

преодолеть линию городских стен посредством присыпи к ним земли окончились неудачей [Бертье-Делагард, с. 252–257]. После шестимесячной осады варяг Ждъберн указал князю на маршрут доставки продовольствия к осажденным, чем тот и воспользовался. Несмотря на прекращение поставок продуктов извне, Херсон продержался еще три месяца, и только еще одно предательство некоего Анастаса, посоветовавшего перекопать водопровод, позволило русам захватить город [Бертье-Делагард, с. 269–273]. Выводы А. Л. Бертье-Делагарда в целом поддержал А. Е. Мусин [Мусин, с. 149].

Большинство ученых, тем не менее, являются сторонниками точки зрения о западной локализации стоянки флота и лагеря русов. Так, Е. Е. Голубинский и С. П. Шестаков помещали ладьи осаждавших в Круглой бухте (бухта Омега) — достаточно далеко от города [Голубинский, с. 227; Шестаков, с. 88]. По мнению Б. Д. Грекова, после высадки десанта в Стрелецкой бухте войска киевского князя начали осаду с суши, с западной части оборонительной линии, блокада с моря была лишь частичной [Греков, с. 424–427]. В сущности, исследователь повторил забытую мысль Хр. П. Ящуржинского, одного из первых исследователей топографии Херсона [Ящуржинский, с. 18–19]. Гипотезу об осадных действиях с запада города приняли и другие исследователи. Н. В. Пятшышева специально рассмотрела вопрос о «земляном пути», известном по данным Жития особого состава, идентифицировав его с дорогой, проходившей по Карантинной балке к вылазной калитке у XIV башни; в вопросе о лагере русов она полностью солидарна с Б. Д. Грековым [Пятшышева, с. 105–106, 114]. А. Л. Якобсон полагал, что русы вели осаду по всему периметру городских стен [Якобсон 1959, с. 65]. Полемизируя с ним, А. И. Романчук верно заметила, что для успешной блокады города было достаточно контролировать Карантинную бухту и выход к Западным воротам. Дополнительным аргументом может служить оставление херсонитами Западного загородного храма (храм 1), чьи деревянные конструкции, вероятно, были разобраны при приближении противника [Романчук 1989, с. 186–87; Романчук 1990, с. 165–166]. По мнению С. Б. Сорочана, русы осаждали город главным образом с запада, где пострадали Западный загородный храм и монастырский комплекс «дома Леонтия», а лагерь Владимира находился между Песочной и Стрелецкой бухтами, в 200–300 м от Западных ворот и стен Херсона [Сорочан, с. 297]. С. А. Беляев и С. Б. Сорочан солидарны в том, что упоминаемая летописью церковь, построенная князем Владимиром в Корсуне на горе, может быть идентифицирована как перестроенная «Базилика на холме» [Беляев 1994; Сорочан, с. 297]. А. В. Сазанов разделил ставшую общепринятой точку зрения о западном местонахождении лагеря Владимира, хотя и усомнился в тождестве корсунской церкви Владимира и «Базилики на холме», а также в атрибуции культурного слоя рядом с ней как летописной «приспы» [Сазанов, с. 204–205, 234–235]. В. В. Хапаев считает, что войско русов заняло мыс между Стрелецкой и Песочной бухтами, а лагерь князя располагался в 400–500 м от города более чем в 500 м от города [Хапаев, с. 209].

Трудности реконструкции в первую очередь обусловлены противоречием двух сохранившихся версий Корсунской осады, отразившихся соответственно в Начальной летописи и «Житии князя Владимира особого состава»¹. Необходимо дополнить информационный ресурс этих источников, привлекая известные науке аналогичные данные, а также сведения по топографии и археологии Херсона. Попытаемся представить себе соотношение сил противоборствующих сторон и ход военных действий, а также факторы, обеспечившие победу «тавроскифов».

Источники не сохранили точных сведений о количестве сил, собранных киевским князем для похода. Поэтому исследователи исходили из численности вооруженных сил в других аналогичных ситуациях, частично из логических соображений. Так, Н. С. Голицын полагал, что Владимир собрал силы «...вероятно, не менее, чем у Олега» (в 907 г.), у которого, по данным

¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Вып. 1. Стб. 109–111; Житие особого состава см.: [Шахматов 1906, с. 46–48; Милютенко, с. 474–477].

летописи, было 2000 судов [Голицын, с. 187]. А. Л. Бертье-Делагард приводил гораздо более скромные и реалистичные цифры — 5–6 тысяч человек на 150–200 ладьях [Бертье-Делагард, с. 246–247]. А. Поппэ считает, что войска русов, отправленные в Византию на помощь Василию II, размещались на 120 кораблях [Поппе, с. 24]. Даже эта численность войска выглядит значительной. Древнерусские морские и «набойные» лодьи, оббитые досками, могли вместить около 40 человек². Морские драккары эпохи викингов помещали до 70 воинов, а в отдельных случаях и больше³. Обнаруженные раскопками корабли из Туны, Гокстада и Усеберга имели 11, 15 и 16 пар весел соответственно [Гуревич, с. 40]. Но следует учитывать, что большие суда были непригодны для плавания в условиях речной сети Восточной Европы, прежде всего, Волхово-Днепровского пути, традиционно используемого русами.

Определенные выводы о составе сил осаждающих позволяет сделать анализ лексики источников. В статье 6496 г. говорится о походе Владимира «съ вой»⁴, («в силе велице», в варианте НПЛ)⁵. Житие особого состава («Легендарное житие») приводит такую характеристику войска русов: «...вборзе собра воеводы своя, Варяги и Словяны и Кривичи и Болгары и с черными людми...»⁶. В источнике употребляется термин «дружина», из которой после крещения князя «мнози крестияся» [Шахматов, 1906, с. 46–47]. Несмотря на ряд поздних заимствований (так, вместо характерного для Северо-Восточной Руси термина «черные люди», А. А. Шахматов предложил конъектуру «Болгары Черныя» [Шахматов 1906, с. 52, 110], Житие отражает характерную ситуацию сбора войска со всех земель державы Рюриковичей. Известно, что без «верховых воев» (новгородцев) не обходились крупные военные кампании киевских князей не только в походах на Византию, но и против печенегов⁷. Подготовка такого рода вооруженных сил, безусловно, требовала значительных организационных, временных и финансовых затрат.

Слово «вой» в лексике Древней Руси относилось к временно собираемому ополчению зависимых от князя-сюзерена племен; «дружина» в большинстве случаев означает узкий круг приближенной к князю знати, воинов-профессионалов, постоянно находившихся на службе [Сороколетов, с. 74–79]. П. С. Стефанович оправданно отметил полисемантическую природу слова «дружина» в его употреблении в старославянских и древнерусских источниках, отказываясь видеть в ней строго определенный социальный институт [Стефанович, с. 259–262]. Традиционно считается, что дружина (lid) на Руси и в Скандинавии делилась на старшую (бояре, huskarlar) и младшую (гриди, отроки, drengr); вероятно, разнообразие в ее среде было гораздо большим и во всяком случае зависело от конкретной ситуации [Филипчук, с. 154; Стефанович, с. 262]. Таких воинов не могло быть много; дружины отдельных конунгов насчитывали от нескольких десятков до нескольких сот человек [Филипчук, с. 90, 113].

Длительная осада Херсона (шесть месяцев согласно «Обычному житию», девять — по данным «Жития особого состава» [Милютенко, с. 447, 463, 474]) подтверждает, что, по-видимому, Владимир располагал довольно многочисленными силами, которые могли быть сопоставимыми с численностью отправленного позже в Византию шеститысячного корпуса⁸. Предстояло не только захватить хорошо укрепленный город, но и, не исключено, подавить сопротивление ряда других кастронов Таврики, установить контроль над прилегающей сельской округой. В состав войск киевского князя, вероятно, входила его личная дружина, полк варягов (составлявших, как обычно, отдельную боевую единицу) и ополчение зависимых от Киева племен⁹.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 30.

³ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М., 1997. С. 221.

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 109–111; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 97–101.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 150–152.

⁶ Житие особого состава // Милютенко Н. И. Святой Равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 474.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 29, 45, 127.

⁸ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию / Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864. С. 200.

⁹ См.: [Шахматов 1906, с. 46]

О составе и численности войск, находившихся в распоряжении стратига фемы Херсон, можно привести более определенные сведения. Проанализировав информацию Константина Багрянородного о десяти литрах (720 номисмах) золота, выдаваемого стратигом кастроу города¹⁰, С. Б. Сорочан пришел к выводу о том, что в обычное время военные силы фемы не превышали 200 чел. К этому числу можно прибавить вспомогательные отряды легковооруженных пехотинцев. Можно полагать, что, с учетом гарнизонов отдельных крепостей фемы численность войск была большей [Сорочан, с. 307–309]. В условиях нападения врага стратиг Херсона должен был мобилизовать все боеспособное население, после чего его силы могли вырасти до 1–1,5 000 воинов, учитывая общее количество жителей города около 5–6 000 человек [Романчук 2007, с. 559; Якобсон 1961; Сорочан, с. 604].

К концу X в. Таврика вовсе не была для русов «землей неизвестной». Вероятно, войско князя Владимира спустилось по Днепру обычным для морских походов способом (из Витичева, служившего сборным пунктом, вниз, перетаскивая ладьи волоком через пороги, с остановкой на островах Св. Григория (Хортица) и Св. Еферия (Березань), вышло в Черное море и подошло к Херсону¹¹; весь путь занимал не больше месяца [Рорре 1971, р. 243–244].

В источниках не содержится точных указаний о маршруте похода, однако нет оснований предполагать, что русы на этот раз уклонились от традиционного пути, описанного в «De administrando imperio». Корсунский поход, как и большинство военных акций Руси против Византии, безусловно, совершался по морю, силами размещенной на ладьях пехоты; крайне маловероятно предполагать движение войска по степи, через владения враждебных Руси печенегов. Не находят подтверждения в источниках и гипотезы о том, что войско Владимира двигалось через Азовское море или из Тмутаракани [Бертье-Делагард, с. 246–247]. Тем не менее морской путь движения войск не позволяет согласиться с предположением А. А. Шахматова о морском характере осады [Шахматов 1906, с. 90]. Осада города с моря технически не могла быть осуществима с помощью ладей-однодеревков. Для захвата Херсона русы должны были закрепиться на сухопутном плацдарме у стен города.

Место дислокации войск князя, указанное в Начальной летописи на первый взгляд достаточно точно — «и ста Володимеръ шб онъ поль города в лимени . дали. гр^ада ст[р]ѣлице єдино» (то есть, по ту сторону города в заливе, на расстоянии полета стрелы)¹², — все же привело к различным трактовкам. По соображениям А. А. Шахматова, сведения о стоянке «в лимени» перешли в ПВЛ из гипотетической «Корсунской легенды», а слова об «обстоянии» с суши — из Древнейшего свода [Шахматов 1908, с. 141]. Подробности сухопутной осады, с его точки зрения — позднейший вымысел летописца. А. Л. Бертье-Делагард считал, что слова летописи понятны «...только применительно к направлению морского похода к городу с севера» [Бертье-Делагард, с. 245]. Подробно описанные обстоятельства осады — выражения «сыпать приспу», «копать преки трубам» — говорят о её сухопутном характере [Бертье-Делагард, с. 249–252]. В интерпретации А. Е. Мусина место дислокации варягов к западу от Херсона, которым и была адресована стрела Анастаса, не совпадало с расположением основного лагеря и княжеской ставки [Мусин, с. 149].

Версия о размещении флота Владимира в Стрелецкой бухте, поддержанная большинством исследователей, представляется наиболее обоснованной, подкрепленной как письменными источниками, так и топографией Херсонесского городища [Пятышева, с. 105]. В условиях узкого входа в протяженную Карантинную бухту, существования мощных укреплений Цитадели и

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 274.

¹¹ Там же. С. 46–51.

¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 109.

возможности преградить путь ладьям противника судами херсонитов высадка войска в Портовом районе была бы чрезвычайно опасной [Ящуржинский, с. 18]. Возможно, летописный «лимен» следует идентифицировать с топонимом «Лимон» (ὁ Λιμών), упоминаемым Константином Багрянородным, который являлся именем собственным, а не нарицательным; одна из бухт поблизости от Херсона (вероятно, Стрелецкая) могла носить такое название¹³.

Указание на «стрѣлище єдино» определяет расстояние между местом высадки войска русов и городом. Суммируя данные, имеющиеся в «Житии и хождении игумена Даниила», с показаниями других источников, можно установить, что длина «перестрела» («стрелища») колебалась от 200 до 250 м [Медведев, с. 30–31]¹⁴. Это было обычным расстоянием полета стрелы, пущенной из сложносоставного лука с обратным изгибом, применявшимся и ромеями, и русами. На расстоянии «стрѣлища», вероятно, находился полк варягов, которым была адресована стрела Ижберна (Анастаса в версии Начальной летописи)¹⁵. Таким образом, лагерь Владимира, скорее всего, находился между Песочной и Стрелецкой бухтами, в 200–250 м (не исключено, что и немного дальше) от Западных ворот города.

Так как сопротивление осажденных было ожесточенным («...борахуса крѣпко изъ града»), а угрозы не помогли, войску Владимира пришлось прибегнуть к земляным работам¹⁶. По словам А. Л. Бертье-Делагарда, летописная «приспа» означает присыпь земли к стенам в виде откоса, для того, чтобы по ней влезть на верх стены [Бертье-Делагард, с. 266–267]. В ответ горожане принялись рыть подкоп, чтобы разрушить замысел противника: «подъкопавше стѣну градскую . крадуше сыплемую персть . и ношаху к собѣ въ градъ . сыплюше посредѣ града . воини же присыпаху боле»¹⁷.

Летописные сведения о действиях осажденных находят объяснение в данных византийских военных трактатов [Хапаев, с. 206–207]. Трактат X в. «Как выдерживать осаду» (*De obsidione toleranda*) рекомендует рыть подкопы, подобно вражеским, чтобы наткнуться на противника; копать напротив подкопа неприятеля советует и анонимный трактат об обороне городов — эти два источника, возможно, входили в состав более обширного руководства по обороне городов, «Антиполиоркетики»¹⁸. Подобные советы стратегу содержатся и в труде Кекавмена, написанном в несколько более поздний период. Византийский полководец описывает неудачу Василия II при осаде Мории, когда осажденные пробрались изнутри во вражескую насыпь с факелами, смолой и огнеметами и подожгли ее¹⁹.

Летописный эпизод с посылкой стрелы в стан русов Анастасом Корсунянином и описание последующего сватовства Владимира долгое время безоговорочно считались фольклорным заимствованием. Согласно с этой точкой зрения, мотив о «добывании невесты» вместе с описанием блудной жизни князя позаимствован летописцем из «Корсунской легенды» [Шахматов 1908, с. 135–138]. Напротив, А. Л. Бертье-Делагард считал достоверным это летописное сообщение, равно как и обещание князя креститься в случае сдачи города — «тайное» крещение сделать явным [Бертье-Делагард, с. 269–270]. Передача сведений запиской, прикрепленной к стреле, пущенной из сложносоставного лука на расстоянии до 300 м, выглядит вполне вероятной.

¹³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 262.

¹⁴ Житие и хождение Даниила, Русьская земли игумена, 1106–1108 гг. / Под ред. М. В. Венивтинова // Православный палестинский сборник. 1883–1885. Т. I, II, III. Вып. 3–9. С. 256–257.

¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 109; см.: [Шахматов 1906, с. 46; Милютенко, с. 474].

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 109.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Sullivan D. F. A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The *De Obsidione Toleranda*: Introduction, English Translation and Annotations // Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Text and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides. Leiden, 2003. P. 140–141, 148, 185–187.

¹⁹ Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. с греч., коммент. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 199.

Решающее для судьбы города указание на херсонский водопровод — «кладязи æже суть за тобою ѿ востока . ис того вод^а идетъ по трубѣ . копавъ переими» — князю, согласно летописи, сообщил Анастас Корсунянин²⁰. Топографические данные летописца о водопроводе имеют принципиально важное значение для реконструкции перипетий Корсунского похода. Тот факт, что все списки летописи помещают «кладязи» именно на востоке от лагеря русов, заставляет отказаться от гипотезы А. Л. Бертье-Делагарда об ошибке летописной ориентации [Бертье-Делагард, с. 270; Греков, с. 427–428]. Херсонский водопровод снабжал город водой из родников Хомутовой, Сарандинакиной, Юхариной и Бермановской балок; исходный пункт системы водоснабжения находился более чем в 8,5 км от города [Репников, Шмит, с. 48–49]. Безусловно, перекопание водопровода не могло привести к катастрофическим последствиям благодаря наличию в городе запасов пресной воды в цистернах, а также многочисленных колодцев [Зубарь, Павленко, с. 182], но оно все же существенно дестабилизировало обстановку, подорвало боевой дух осажденных, и, вместе с продовольственной блокадой (перекопанием «земляного пути») привело к торжеству капитулянтских настроений среди херсонитов.

Иную версию происходивших событий сообщает «Житие особого состава». По сведениям этого источника, после полугодовой осады города варяг Ижберн (Ждьберн) послал стрелу в полк своих соотечественников, попросив донести ее князю Владимиру. Житие сохранило даже текст этого судьбоносного для Херсона послания: «Государю князю Владимиру. Приятель твой Ижберн писал к тебе, аще стоиши ты с силою под городом год или два или три, не возьмешь Корсуны: корабленицы ж приходят путем земляным с питием и с кормом во град». После этой вести князь велит «копати путь земляный лодиям» и еще через три месяца захватывает город. Поступок Ижберна был щедро вознагражден: он стал боярином и наместником города, кроме этого, получил дочь убитого «корсунского князя», еще прежде обещанную Владимиром [Шахматов 1906, с. 46]. Даже беглого взгляда на Житие достаточно, чтобы убедиться в его позднем происхождении и в том, что оно не может быть близким к архетипу «Корсунской легенды». В отличие от автора летописного текста, составитель Жития не знал топографии Херсона и путался в исторических реалиях: так, он заставляет дружинников Владимира креститься в речке; называет современником князя митрополита «Лариона», занимавшего кафедру при Ярославе Мудром [Шахматов 1906, с. 46–47].

Все это заставляет еще раз обратиться к интерпретации «земляного пути». Составитель текста Плигинского списка мог неправильно понять имеющиеся у него данные и исказить их. Не исключено, что «земляной путь» представлял собой дорогу, ведущую с юго-востока, от загородного храма Богородицы Влахернской к воротам периболы [Пятышева, с. 108–114], которую русы поставили под контроль, перекопав и, возможно, поставив заграждения. Пресечение поставок воды по водопроводу могло быть логичным синхронным продолжением этих действий. Впрочем, очередность «перекопания» «пути земляного» и водопровода выглядит второстепенной, не столь важно и имя действующего лица — предателя херсонитов, будь то варяг Ижберн (Ждьберн) либо Анастас.

Последний, несомненно, является историческим деятелем рубежа X–XI в. Анастас Корсунянин после захвата Херсона примкнул к победителям, ему же князь поручает построенную и освященную в 989–996 г. церковь Богородицы и десятину, собираемую для нее²¹. Статус Анастаса при этом неясен: некоторые исследователи называют его церковным старостой, экономом [Baumgarten, p. 105]. Поздняя редакция Жития Св. Владимира именует его епископом,

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 109.

²¹ Там же. Стб. 116, 122, 124.

а Комиссионный список Новгородской первой летописи — иереем²² [Милютенко, 457–460]. Представляющийся логичным священнический сан Анастаса, постулируемый в литературе [Беляев, 1990, с. 161], все же является на данный момент не более чем гипотезой (возможно, дальнейшие разыскания помогут прояснить проблему). Анастас покидает Киев вместе с войском польского князя Болеслава Храброго, «бѣ бо са юму ввѣриль лестю». Он не остался безработным и с новым покровителем, который доверил ему захваченное имущество Ярослава²³.

Данные о Ижберне (Ждьберне) исчерпываются сведениями Жития особого состава и Распространенного проложного жития, в котором сокращенно излагаются те же события²⁴. Этимология имени «вариженина» несомненно скандинавская: Sigbjorn, по М. Г. Халанскому или Ingibjorn, согласно Н. И. Милютенко [Халанский, с. 311; Милютенко, с. 291]. Исследовательница предполагает, что он фигурирует в гипотетической скандинавской саге о взятии Корсуна, (существование которой, по нашему мнению, не может быть доказано). О другом фигуранте Жития, воеводе Олеге, посланном вместе с Ижберном в Константинополь для переговоров о сватовстве, тоже ничего больше не известно [Милютенко, с. 475].

Иногда специалисты предполагают соединить Ижберна и Анастаса в рамках некоей гипотетической группировки сторонников князя Владимира в Херсоне [Сорочан, с. 293]. Следует заметить, что оба предателя в источниках выступают прямыми конкурентами, повторяя действия друг друга. Маловероятно, чтобы к князю русов попали два послания на стреле, с одним и тем же советом, касающимся различных топографических объектов. Историчность Анастаса Десятинного не вызывает сомнений у большинства исследователей; в то же время считаются достоверными и сведения Жития об Ижберне [Сазанов, с. 210–217]. Представляется возможным найти иное объяснение противоречиям источников. Херсонский союзник Владимира мог носить двойное, языческое и христианское имя — Ижберн / Ингибьерн и Анастас.

Сосуществование христианских и языческих имен было характерной ситуацией для антропонимикона Скандинавии и Руси. В ряде случаев человек носил два имени, фигурируя под одним из них в зависимости от социокультурной среды [Успенский, с. 5–6]. Проблема двойных имен в Скандинавии остается сложной, тем не менее некоторые норвежские источники упоминают второе имя, получаемое при крещении, наряду с традиционным, родовым [Успенский, с. 68–69]. Христианские имена в семьях конунгов обычно предназначались для побочных, незаконнорожденных сыновей; с другой стороны, бастарды чаще всего избирали духовную карьеру [Успенский, с. 24–26, 41]. Это может объяснить неясные намеки источников о духовном сане Анастаса и его причастность к клиру Десятинной церкви.

Вероятно, Анастас Корсунянин (он же Ижберн) принадлежал к скандинавам, проживавшим в Херсоне. Своим соплеменникам он был известен под скандинавским именем; разумеется, так же он фигурировал и в среде варягов Владимира после перехода на сторону князя русов. Христианское имя стало актуальным со времени деятельности херсонита в храме Богородицы в Киеве. Древнерусские источники, ориентированные на церковную традицию (гипотетический помянник Десятинной церкви) и летописи могли использовать только крестильное имя варяга.

Сохранившаяся письменная традиция совпадает в одном, но ключевом моменте: Херсон был взят не посредством штурма, попытки которого закончились неудачей, а измором, вследствие долгой и продолжительной осады. Вопреки скепсису Н. И. Милютенко [Милютенко, с. 286–287], отметим, что лишь длительный срок пребывания неприятеля под стенами города,

²² НПЛ С. 165. К. Цукерман настаивает на первичности этого чтения НПЛ и также считает Анастаса духовным лицом (доклад на конференции «Le prince est mort — vivent les princes» 25. 09. 2015 г.).

²³ ПСРЛ. Т. I. 144.

²⁴ Житие особого состава см.: [Шахматов 1906, с. 46–47; Милютенко, с. 474]; Распространенное проложное житие князя Владимира // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1888. Т. II. Отд. 2. С. 30–32.

блокада поставок продовольствия и воды позволили достичь благоприятного результата. Зимовка воинов в Юго-Западной Таврике не представляется невероятной. Продолжительность осады укрепленных городов не была исключением для практики войн раннего средневековья: викинги конунга Зигфрида осаждали Париж почти год, с ноября 885 по октябрь 886 гг., так и не сумев взять город штурмом, несмотря на наличие осадной техники [Ferguson, p. 105–107]; по Кекавмену, болгарский царь Самуил блокировал Лариссу в течение трех лет²⁵.

Сопоставление данных древнерусской, византийской и арабской письменных традиций позволило исследователям прийти к различным вариантам реконструкции хронологии русско-византийской войны в Юго-Западной Таврике [Васильевский, с. 99–100; Порре 1976, p. 211–223; Seibt, s. 298–300; Милютенко, с. 272–283; Сазанов, с. 78–152; Роменский]. Представляется, что сообщение Льва Дякона об «огненных столбах» и комете (вернее, двух кометах 975 и 989 г., предвещавших череду бедствий)²⁶ не позволяет точно определить время осады и взятия Херсона. В противовес историографической традиции [Поппе, с. 22] отметим, что в источниках нет данных и о том, что посольство Василия II отправилось к Владимиру в 987 г., сразу после провозглашения императором узурпатора Варды Фоки, бывшего доместика схол Востока и племянника императора Никифора II²⁷. Скорее, это могло произойти в 988 г., когда войска Фоки уже непосредственно угрожали Константинополю, находясь у Дорилея и Хрисополя²⁸. Неслучайно Яхья Антиохийский пишет о том, что на момент начала переговоров русы были врагами василевса²⁹. Вероятно, к этому моменту (весна-лето 988 г.) Херсон уже был взят. Нельзя исключить, что именно это событие подразумевал и Титмар Мерзебургский, упоминая о насилии Владимира «над слабыми данайцами»³⁰.

В случае приближения противника военные трактаты византийцев рекомендуют убрать с полей пшеницу и ячмень, закупить продукты и необходимые товары для обороны, раздать горожанам месячную норму продовольствия, удалить из города стариков, больных, женщин, детей и всех неспособных к ношению оружия, оставив ремесленников и представителей профессий, нужных для обороны: оружейников, механиков, прислугу осадных машин, врачей, медников, седельщиков, сапожников³¹. Необходимо сделать запасы продовольствия и воды в цистернах, привести в город весь скот, зарезать вьючных животных, а также отравить источники воды, которые могут быть использованы врагом³². Можно полагать, что нападение врага было внезапным, и стратег не успел принять все необходимые меры: продовольствие для горожан и воинов гарнизона пришлось доставлять уже во время осады, с помощью корабельщиков, отправлявшихся, скорее всего, из поселений южного берега Крыма, а также Сугдеи и Боспора.

Археологический материал в этом случае может добавить лишь некоторые скудные данные к свидетельствам письменных источников. Следует учесть, что западная часть Херсонесского городища — наиболее вероятный район ведения боевых действий — исследована меньше всего. Спорным остается вопрос о «варяжских» могилах, интерпретированных С. А. Беляевым

²⁵ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 269.

²⁶ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Ex recens. C. V. Hasii // Corpus scriptorum historiae byzantinae. Bonnae, 1828. Pars 11. P. 175–176.

²⁷ Cf.: Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Recens. I. Thurn // Corpus fontium historiae byzantinae. Berolini, 1973. Vol. V. P. 332.

²⁸ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. P. 336.

²⁹ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // Записки Императорской Академии наук. 1883. Т. XLIV. Приложение 1. С. 23; Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche / Ed. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev // Patrologia orientalis. 1932. Т. XXIII. Fasc. 2. P. 423–424.

³⁰ Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre kohlveier Uberarbeitung / Herausgegeben von R. Holtzmann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Berlin, 1935. Т. IX. S. 487.

³¹ Sullivan D. F. A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The De Obsidione Toleranda: Introduction, English Translation and Annotations. P. 153–154.

³² Ibid. P. 177–181.

как захоронения участников похода, и возможности идентифицировать культурный слой между «Базиликой на холме» (№ 14) и Западной базиликой как летописную «приспу» [Беляев 1994, с. 29–33]. А. В. Сазанов отмечает отсутствие каких-либо данных для датировки насыпи X в., а нумизматические источники (монеты Василия I, отсутствие более поздних) позволяют считать временем формирования слоя последнюю треть IX — первую половину X в., но не конец X в. [Сазанов, с. 233–235]. Отсутствует информация о керамике из слоя насыпи, которая могла бы использоваться для его датировки. В погребениях возле базилики № 14 (свыше 160 могил) не обнаружено характерных скандинавских вещей или вооружения. Антропологические исследования показали, что отдельные костяки носят следы боевых травм, однако нет оснований говорить о массовом захоронении павших воинов. Антропологический тип погребенных некрополя у «базилики на холме» не отличается от характерного для средневекового Херсона в целом; возникновение некрополя, вероятно, не было связано с экстраординарными обстоятельствами [Иванов, с. 213–214]. Таким образом, вывод о какой-либо связи этих погребений с Корсунским походом малообоснован.

Итоговая реконструкция подробностей осады и захвата Корсуна представляется следующей: флот князя Владимира из нескольких сот ладей с экипажем в пять-шесть тысяч человек зашел в воды Лимена — Стрелецкой бухты; главные силы расположились в лагере напротив западного участка оборонительной стены. Насыпание «приспы» могло быть в незащищенных протейхизмой участках, а попытки штурма, вероятно, происходили в районе V-VI куртин. Менее вероятны действия осаждающих в южном секторе обороны, где осадные действия были обречены на неудачу вследствие мощных стен Цитадели, протейхизмы и сложного рельефа (склон холма, переходящий в балку), доставлявших преимущества херсонитам. Численное превосходство варваров нивелировалось неумением осаждать и брать крепости, а флот из однопалубных не мог представлять угрозы городу и обеспечивать его морскую блокаду в случае появления военных кораблей византийцев. Факторами, работавшими против херсонитов, были время, голод и жажда, а также общая военно-политическая ситуация в Византии, не позволившая своевременно послать военную помощь. Можно предположить, что осада города началась в июне-июле 987 г. (вскоре после этого, 15 августа 987 г., согласно Скилице, или 14 сентября того же года, по данным Яхьи Антиохийского, Варда Фока был провозглашен василевсом своими сторонниками, что помешало Константинополю оперативно отреагировать на угрозу своим крымским владениям)³³. Военные действия, вероятно, окончились взятием Херсона в марте-апреле 988 г., когда войска Фоки приблизились к Хрисополю и Авидосу. *Terminus ante quem* Корсунской осады, по нашему мнению, представляет дата Хрисопольской битвы, в которой русы выступают уже как союзники византийцев.

Вероятно, приготовления к обороне не были завершены в полной мере, поскольку продукты к городу приходилось доставлять уже во время боевых действий; к тому же прекращение подачи воды по водопроводу не могло сразу привести к трагическим последствиям, если горожане располагали запасами воды в цистернах и колодцах. Свидетельства письменных источников позволяют говорить о значительной (от 6 до 9 месяцев) продолжительности осады, на заключительном этапе которой русы перекопали линию городского водопровода и прекратили поставки продовольствия «путем земляным». Капитуляция города произошла после исчерпания его продовольственных и топливных ресурсов, вследствие чего Херсон был сдан на милость победителям.

³³ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. P. 336; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 23; *Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche*. P. 423.

Литература

- Беляев С. А. Поход князя Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса) // Византийский временник. 1990. Т. LI. С. 153–164.
- Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1. С. 7–46.
- Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т. XIV. Кн. 1. С. 241–307.
- Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. II. Вып. 1. С. 56–124.
- Голицын Н. С. Речной и морской военный поход великого князя Владимира в 988 году // Русская старина. 1889. Вып. 10. С. 185–190.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1901. Т. I. Полум I.
- Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 413–428.
- Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
- Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988.
- Иванов А. В. Внутригородские некрополи X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 2012. Вып. 11. С. 211–222.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М., 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников Е 1–36).
- Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Мусин А. Е. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 146–154.
- Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // Византийский временник. 1994. Т. LV. С. 53–60.
- Поппе А. В. Византийско-русьский союзницький трактат 987 р. // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 20–33.
- Пятьшева Н. В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // Советская археология. 1964. № 3. С. 104–114.
- Репников Н. И., Шмит Ф. И. О технике водоснабжения средневековых городов Крыма // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 9/10. С. 46–50.
- Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // Византийский временник. 1990. Т. LI. С. 165–171.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007.
- Романчук А. И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе (к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира) // Византийский временник. 1989. Т. L. С. 182–188.
- Роменский А. А. «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в хронологии русско-византийских отношений конца X в. // Ρωμαίος. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 310–328.
- Сазанов А. В. Херсон и крещение Владимира. Херсон в X–XI вв. Saarbrücken, 2013.
- Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. Ч. 1, 2.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006.
- Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военная элита Руси в X–XI вв. М., 2012.
- Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Филипчук О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. Дис. канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, 2010.
- Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. Ч. 342. С. 284–356.
- Хапаев В. В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI вв.). СПб., 2015.
- Хапаев В. В. Русско-византийская война 987-988 гг.: военно-тактический аспект // Мат-лы II

- международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Севастополь, 2015. С. 205–214.
- Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1906.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. М., 1908. (Памятники христианского Херсонеса. Вып. 3).
- Якобсон А. Л.* О численности населения средневекового Херсонеса // Византийский временник. 1961. Т. XIX. С. 154–165.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 63.
- Ящуржинский Х. П.* Херсонес во время крещения в нем Св. Владимира и дальнейшая судьба города // Киевская старина. 1888. Т. XXII. № 7. С. 16–25.
- Baumgarten N. A.* Saint Vladimir et la conversion de la Russie // *Orientalia Christiana*. 1932. Vol. 27/1. № 79.
- Ferguson R.* The Hammer and the Cross. A New History of Vikings. London, 2010.
- Poppe A.* La dernière expédition russe contre Constantinople // *Byzantinoslavica*. 1971. Т. XXXII. Fasc. 1. P. 1–11, Fasc. 2. P. 233–268.
- Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus: Byzantine-Russian Relations between 986-89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. XXX. P. 195–244.
- Seibt W.* Der Historische Hintergrund und die Chronologie der Taufe der Rus' (989) // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the International Congress of the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity*. Thessaloniki, 1992. S. 289–303.